

Письма Дмитрия Дмитриевича Шостаковича Борису Тищенко

1922
1972

ДЕТИ
О СВОЕЙ СТРАНЕ
И О СЕБЕ

с комментариями
и воспоминаниями
адресата

490425

Индекс предприятия связи места назначения

Куда *Бориса*
Шостаковича
д. 14, кв. 3.
Кому *Бориса*
Тищенко

Индекс предприятия связи
отправителя
403009 Москва
8/10/72
Шостакович

on Thursday
 Room - Duncan Chapel
 at 14.45
 Mary Ingram, Kinship
 Friends

103009 *Amelanchier canadensis*
S/S of stream, on rd. 7

22 Feb 1942. Hymenoptera.
- Tons!

Signature: Antonio Date: 2008

Всем наш добрый Расс
уважаю. Получил на с Никола

Der Herr ^{Herr} Hofrat ^{Herr} Hofrat ^{Herr} Hofrat
wird. ^{Herr} Hofrat ^{Herr} Hofrat ^{Herr} Hofrat
P. ^{Herr} Hofrat ^{Herr} Hofrat ^{Herr} Hofrat

С. Р. Бессонов, а докторская диссертация
на тему: «Вопросы В. Ткача»
на соискание звания доктора философии

Составили: *П. П. П.*
Место: *в. в. в.*
О. *в. в. в.*

0 komente
0 komente In pampir, 1
2 epizoda on volopne, na
ost epizoda. Duzina u zbiranju
Rok. 2 ko ammu

not your not, there is no answer
Scheer

the above points.
 Photos knife sharp
 1/2" x 1/2" x 1/2"

Sept 29 1901

Q. little will
Hypod. re asse "Bosch" name
Hypod. re asse "Bosch" name

...keznem ...
...roham, ...
...az egyedi ...

(Faint handwritten notes at the bottom of the page)

Wegpunkt 100
Wegpunkt 100
Wegpunkt 100

ПИСЬМА
Дмитрия Дмитриевича
ШОСТАКОВИЧА
Борису ТИЩЕНКО

с комментариями
и воспоминаниями
адресата

Издательство «Композитор • Санкт-Петербург» • 2016

УДК 78.03
ББК 85.313
П 35

П 35   Письма Дмитрия Дмитриевича Шостаковича Борису Тищенко: с комментариями и воспоминаниями адресата. — 2-е изд. — СПб.: Композитор • СПб, 2016. — 52 с.: ил.
ISBN 978-5-7379-0387-9

Письма Д. Д. Шостаковича известному петербургскому композитору Борису Тищенко, который был его аспирантом. Подробные и увлекательные комментарии адресата.

**УДК 78.03
ББК 85.313**

С

уществует поверье, что перед внутренним взором умирающего проносится вся его жизнь. Когда я перечитываю эту небольшую пачку писем, меня посещает схожее ощущение. Каким-то непостижимым образом Дмитрий Дмитриевич написал мою самую лаконичную и подчас зашифрованную биографию. Иногда писал о делах, иногда посмеивался над моей неуклюжестью, иногда волновался за меня, давал мудрый совет. Нередко делился своими мыслями, жаловался (да, да, несмотря на устоявшееся мнение, что он никогда не жаловался) на свои недомогания, сомнения, творческие паузы, иногда гневался, проповедовал. Одним словом, это не только моя жизнь, но и его. Больше — наша. Наша общая жизнь, которая физически оборвалась 9 августа 1975 года, но которая продолжается для меня в иной форме до сих пор.

Большинство писем комментариев не требуют. Иные же понятны только мне, ибо являются ответами на мои письма, где я делился событиями своей жизни, подчас необычными и многокрасочными. Ни моих писем, ни черновиков не осталось, поэтому буду стараться воспроизвести то, что нужно, по памяти, так же как и некоторые беседы с третьими лицами. Поэтому иногда комментарий произвольно оказывается длиннее письма и превращается в мемуары, за что я прошу прощения.

Я собирал все письма, записки и телеграммы Дмитрия Дмитриевича, Ирины Антоновны и Максима. У меня есть даже два письма Д. Д., адресованные другим лицам, которые «права собственности» на них не предъявили.

Мною сохранены почти все особенности орфографии и пунктуации Д. Д., я постарался передать даже его манеру расположения текста на странице. В частности, Дмитрий Дмитриевич не признавал переносов. Явные описки, конечно, исправлены без оговорок.

Познакомились мы с Дмитрием Дмитриевичем в 1961 году, я стал его аспирантом, но подробности наших встреч и занятий я опускаю — это другой рассказ. Хочу описать лишь одну встречу. Когда я принес на занятия законченную партитуру Первой симфонии (тогда я еще был его «незаконным» студентом), Дмитрий Дмитриевич, просмотрев ее, попросил прийти завтра утром на улицу Софьи Перовской, где он тогда останавливался у своей сестры Марии Дмитриевны, и поиграть еще раз. Ночь я провел почти без сна. Тщательно приведя себя в порядок (этот ритуал был для меня жизненно необходим перед каждой встречей с Д. Д.), я помчался на улицу Софьи Перовской. Дверь мне открыл сам Дмитрий Дмитриевич, без пиджака, с расстегнутым воротом и почему-то чуть недобрый. «Раздевайтесь, проходите...» и т. п. Только чувствую: что-то не так. Конечно! Назначено было в одиннадцать, а я, потеряв разум, прилетел к десяти. Я тут же извинился и, соврав, что у меня в этом квартале какие-то дела, ушел, чтобы через час вернуться успокоенным, что помогло мне неплохо сыграть симфонию и услышать: «Здорово». Но не ради этой похвалы я был вызван на второй круг. Дмитрий Дмитриевич признался, что его одолевали сомнения, достаточно ли оркестрово я мыслю, или это подчас плод удачного сочинительства за роялем. Убедило же его в том, что все в порядке, соло высокой валторны в конце первой части.

Все это я написал для того, чтобы было понятно, какие чувства я испытал в мае 1963 года, когда вынул из почтового ящика зеленовато-серый конверт чуть военного образца с надписью:

Ленинград
Проспект Римского-Корсакова
д. 16 кв. 22
Борису Ивановичу
Тищенко

Москва К-9. ул. Неждановой 8/10
корпус 2 кв. 23. ДШостакович

Вот это письмо:

1

5 V 1963. Москва

Дорогой Борис Иванович!

Я договорился с О. А. Евлаховым о том, что мои аспиранты продемонстрируют на кафедре свои произведения 20го Мая, в 12 часов. По этому поводу я прошу всех Вас собраться 18го Мая в 12 часов в Консерватории. Я хочу прослушать, как мы будем демонстрировать нашиopus'ы. За Вас и за Окуневу я совсем не беспокоюсь. Оба Вы хорошо играете свои сочинения. Не очень я беспокоюсь и за Успенского, хотя считаю крайне желательным, чтобы у него был певец. В самом крайнем случае, он может показать и без певца. У него получается более или менее прилично. За Белова я немного побаиваюсь, если он сам будет играть свои сочинения. И совсем боюсь за Мнацаканяна. Передайте мои страхи Белову, Успенскому и Мнацаканяну. Пусть они примут самые необходимые меры, чтобы на кафедре показать товар лицом.

Я буду находиться в больнице до 15го Мая. 17го я приеду в Ленинград, а 18го хочу со всеми Вами встретиться в 12 часов в Консерватории.

Еще раз прошу Вас договориться с аспирантами о 18м и 20м Мая.

Если не трудно Вам будет, напишите мне, что это письмо Вами получено и что соответствующие меры будут приняты. Передайте всем мой привет.

Крепко жму руку. ДШостакович.

Мой адрес: Москва К-9. ул. Неждановой д.8/10 корпус 2 кв. 23.

Следующие два письма тоже не требуют комментариев.

2

23 VIII 1963. Москва

Дорогой Борис Иванович!

7го Сентября я хочу в 12 часов заниматься с аспирантами. Надеюсь, что это лето Вы провели хорошо и покажете новую интересную музыку, как это Вам положено. Кроме того у меня к Вам такого рода дело. Я хочу Вам и всем аспирантам продемонстрировать «Реквием» Б. Бриттена. У меня имеется пластинка этого произведения. И я очень хочу всех Вас познакомить с этим, как мне кажется, почти великим произведением. Есть у меня и партитура «Реквиема». Можно будет слушать и смотреть в партитуру. «Реквием» длится около полутора часов. Я прошу Вас организовать это дело. Может быть у Вас или у кого из Ваших друзей есть проигрыватель (не магнитофон, а проигрыватель). И если бы мы имели возможность эксплуатировать этот проигрыватель и прослушать «Реквием», это было бы здорово. Если в Консерватории есть проигрыватель, то можно это было сделать и в классе. Если же там нету, то поедem туда, где он есть. Если же это будем делать в Консерватории, то особенно не приглашайте слушателей, а то народу набьется видимо-невидимо. Будет тесно, неудобно.

«Реквием» Вам и Вашим товарищам необходимо прослушать. Необходимо Вам познакомиться с этим произведением замечательного композитора.

Вот и все о чем я хотел Вас известить.

Крепко жму руку.

ДШостакович

3

13 XI 1963. Москва.

Дорогой Борис Иванович!

Дела мои складываются так, что я не смогу встретиться с Вами и Вашими товарищами по аспирантуре раньше десятых чисел Декабря. Я улетаю в Лондон, где пробуду до

19го Ноября. Потом вернусь в Москву и сразу поеду в Ригу, где пробуду до 3го Декабря. Эта поездка связана с постановкой моей оперы в Риге и в Лондоне. В Риге премьера будет 23 XI, а в Лондоне 2 XII. Вы уже композиторы достаточно зрелые. За время нашей разлуки прошу Вас много сочинять. Когда приеду, будем смотреть Ваши новые opus'ы. Надеюсь, что творчество Ваше к моему возвращению даст много хороших плодов.

Передайте мой сердечный привет Вашей супруге и нашим аспирантам.

Крепко жму руку. ДШостакович

P.S. Если в Ленинграде будут играть бю симфонию Вайнберга — обязательно послушайте. Вчера я слушал ее и она произвела огромное впечатление. ДШ.

О событиях, связанных со следующим письмом, придется рассказать подробно. Они касаются деятельности поистине замечательного человека, балетмейстера Леонида Вениаминовича Якобсона. Выдающийся, оригинальнейший мастер-новатор, имевший в своем творчестве дело с композиторами такого уровня, как Шостакович и Хачатурян, все время стремился к новому, искал молодых талантливых авторов — и находил! Он заказывал музыку Каравайчуку, Фиртичу, Кравченко, Банщикову, Кнайфелю. Кто из его коллег мог похвастаться такой смелостью? О нашем времени я уже и не говорю. В число избранных им авторов попал и я. Поначалу написал ему две миниатюры: «Прометей» и «Данаида». Затем Якобсон загорелся «Двенадцатую» Блока. Я поставил одно условие: финал будет как у Блока: «Впереди Исус Христос». Якобсон пообещал: «Христос будет!» Обещание сдержал. Но об этом позже. Сначала коса на камень нашла в эпизоде убийства Катьки. Вот что написано в либретто Якобсона: «Злобный танец Петрухи у трупа Катьки. Злоба Петрухи. Оттаптывает свою злобу. Ритуально. „Весна священная“ втаптывание земли». Я сказал, что никакого злобного танца здесь не нужно. Парень убил свою девку. Он горюет. Вот это я и напишу. Спорили долго. Тот, кто знал упрямство и настойчивость Якобсона, может оценить, каких сил мне стоило переубедить его.

Впоследствии эпизод смерти Катюки и горя Петрухи все (в том числе и Леонид Вениаминович) считали лучшим местом балета.

Второй наш конфликт, я считаю, погубил всю затею. Речь идет об эпизоде, о котором в либретто Якобсона написано:

«Петруха пьяный пляшет:

„Ох ты горе горькое

Скука скушная

Смертная!“»

И т. д.

Здесь ему опять потребовалось злобное, дробное, быстрое, неистовое... Я опять сказал: «Не будет. Стих медленный, тягучий, скучный. Посмотрите на рисунок Анненкова: оцепенелый парень с ножом, к губе прилипла сигарка. Где здесь быстрое, дробное?»

— Это не парень.

— А кто же?

— Баба.

— ?!..

В общем, заклинило. Жалуюсь Дмитрию Дмитриевичу. Он на моей стороне. Говорю об этом Якобсону. Тот: «Он ничего не понимает. Пусть придет ко мне, я ему объясню». Передаю это Д. Д. Он соглашается. Обговариваем время, я прихожу в «Европейскую», предлагаю найти такси (ехать недалеко, до улицы Восстания). Дмитрий Дмитриевич отказывается. Я:

— Тогда на троллейбусе.

— Я боюсь ступенек.

Решили ехать на метро.

Сесть-то мы сели и поехали, но тогда не было еще прямой линии, и пришлось ехать до «Технологического института» и там пересаживаться... Вот тут у меня волосы и зашевелились: переход — не ступенька, а целая лестница. Как же я клял себя за мягкотелость. Но Дмитрий Дмитриевич и виду не подал, медленно, с остановками преодолел все препятствия... Наконец мы у Якобсона.

— Понимаешь, Митя, он талантливый, но молодой, неопытный, жизни не знает.

— Да, да, молодой... не знает...

— Понимаешь, произошла революция. Народ безумствует, гуляет. Встретил буржуя — режь...

— Да, да, режь...

— Встретил бабу — вали...

— Да, да, вали, вали... И все-таки, Леня, ты его слушайся. Композитор — автор спектакля.

Я, конечно, сочинил то, что считал нужным, Якобсон же взял и вырезал из моего эпизода все, что считал лишним и слишком медленным, то есть весь процесс развития, и тем самым вонзил нож в сердце спектакля. Ибо я убежден, что, если авторская партитура повреждена, спектакль нежизнеспособен. Так и оказалось. Да еще и партийно-чиновничья идеологическая возня вокруг финала. Его, конечно, тоже стали резать, хотя Якобсон поставил его безукоризненно. При каждой вивисекции я устраивал истерику, а Якобсон успокаивал меня шепотом:

— Тише, тише, Боря. Ведь так же у меня было в «Спартаке». В сцене с Эгиной было три кровати. Пришла комиссия из обкома. Сказали: «Много». Я две убрал. А теперь пойдите посмотрите — опять три!

Я убеждал на обсуждении: загляните в Блока! Директриса в ответ: «Блока я не знаю, зато Ленина прочитала от корки до корки». В общем, этот балаган продолжался до генеральной репетиции, потом опять все перекроили и т. п. Уникальность этого спектакля заключалась в том, что шел он три раза, а снят был четыре. Я ходил на все репетиции, обсуждения и прогоны через директорский подъезд, где меня любезно встречал холеный швейцар, реликт царизма с раздвоенной бородой, снимал с меня плащ, сдувал пылинки, вешал его на плечики и т. п. Когда я пришел на очередную репетицию, то не знал, что судьба спектакля уже решена, но это знал швейцар.

— Вы куда, молодой человек?

— На репетицию.

— Нельзя.

— Моя фамилия Тищенко.

— Это-то я знаю.

Все это и поведение партийно-идеологической своры, которая, как я сформулировал, «готова лишь петь осанну запрещающему сигналу светофора», я и описал в большущем письме Дмитрию Дмитриевичу. Вот ответ:

Ленинград, Курортный район.

Репино.

Дом Композиторов

Борису Ивановичу

Тищенко

Москва К-9. ул. Неждановой 8/10, корпус 2. Кв. 23.

ДШостакович

8 I 1965. Москва.

Дорогой Борис Иванович!

Спасибо Вам за новогоднее поздравление и за письмо, которое мне очень понравилось в целом. Две лишь ошибки были в Вашем письме. Первая, это то, что Вы считаете, что некоторые люди ставят себе задачу лишь «петь осанну красному цвету». Это большая ошибка. Эти люди не поют осанну ни зеленому, ни желтому, ни, тем более, красному цвету. Они вообще не поют осанну, т.к. решительно ни во что не верят. Верят они, если можно это назвать «верят», лишь в собственное благополучие. В собственное, а не в благополучие людей — народа и мира. Во имя собственного благополучия они готовы на все; конечно кроме подвига и добра.

Вторая ошибка: Ваше слишком чувствительное отношение к беседе с холуем из театра. Холуй — это маленький человек. Он стоит при вешалке и собирает себе на пропитание двугривенные. Именем своим дорожите. «Я Тищенко» сказали Вы гардеробщику. Помню в дни моей молодости я, вняв убеждению предмета моей страсти, пошел с ней в театр. В кассе билетов не оказалось. Предмет же настойчиво требовал посещения спектакля. Мне было сказано: «Пойдите к администратору и скажите, что Вы Шостакович. Тогда он Вам даст билеты и мы посмотрим спектакль». Я подошел к окошку администратора и сказал ему:

«Моя фамилия Шостакович. Дайте пожалуйста два билета» умный администратор мне ответил: «Моя фамилия Рабинович. Почему я должен Вам дать два билета?»

Я оценил мое недомыслие и мудрость администратора. И с тех пор никогда не произношу имя свое всуе. Мне понравилось Ваше отношение к премьеру «Двенадцать». Приеду я в Ленинград и в Комарово не очень скоро. Сейчас я нахожусь в больнице, где пробуду наверное еще недели две. У меня нарушилась нормальная работа сердца. И вот меня сейчас лечат.

Еще раз спасибо за письмо.

Передайте сердечный привет Насте. Очень мне хочется, чтобы Вы провели время в Репино хорошо.

И очень жалею, что не могу сам быть сейчас в Репино.

Ваш ДШостакович

А все-таки мне очень хочется посмотреть «Двенадцать». ДШ

5

(открытка)

26 IX 1965 Москва

Дорогой Боря!

Спасибо Вам за память и за внимание.

Крепко жму руку.

ДШостакович

Это — ответ на простое поздравление с днем рождения. Никто, кроме Шостаковича, насколько мне известно, не благодарил за такие вещи.

Следующее письмо связано с нашим выпускным аспирантским экзаменом. Хочется вспомнить один эпизод моего экзамена по «теории специальности». Мне досталась на анализ партитура «Картинок с выставки» в оркестровке Равеля. С юности не любя эту партитуру, я отбубнил какую-то общеизвестную фактологию, а перейдя к анализу, начал придирается к деталям: неудачные тембровые решения запева, «гнома», «бедного еврея» (трудноисполнимая и маловыразительная партия засурдиненной трубы) и т. д. Вижу, глаза некоторых моих бывших педагогов уже загорелись в предвкушении кровопролития, а Дмитрий Дмитриевич напрягся. Не дав мне закончить, он вдруг решительно спросил: «А вообще вам нравится эта партитура? Хорошо она сделана?» Я сказал, что

совершенно не нравится и сделана плохо, с полным непониманием мыслей Мусоргского. «Вот и я так же считаю, — радостно заявил Д. Д., — и мне не нравится. Очень хорошо, очень хорошо, отлично». Ясное дело, ристалища не произошло, и я получил свою пятерку.

После экзамена по специальности и обсуждения мы были призваны вниз, в ректорат, где был накрыт скромный стол и стояла кое-какая выпивка, кажется «коньячный напиток». Посидели и поговорили мы очень мило. В стадии легчайшего подвеселья я наконец осмелился задать Д. Д. вопрос, мучивший меня более трех лет. Дело в том, что вечером накануне нового 1962 года, когда я ждал гостей, раздался телефонный звонок. Голос Дмитрия Дмитриевича (я различаю голоса по телефону неплохо, поэтому убежден, что это был он; хотя убеждение — не доказательство) произнес примерно следующее: «Это говорит Шостакович. Советую вам год ничего не писать, а только думать музыкой». Меня это так потрясло, что я минут сорок полежал на диване. Поделился произошедшим с близкими и друзьями. Мнения разделились.

— Он.

— Не он.

— Очень похоже на него.

— Не мог он такое сказать.

— Розыгрыш.

— Мнацаканян.

(Он талантливо имитировал манеру речи знаменитых людей.)

И т. д.

Совету я, конечно, не внял и писал сколько и как мог. Но вот мы оказались в подходящей обстановке, и я спросил, мог ли это быть он.

— Какой это был год?

— 1962-й.

— Нет, не мог. Вот если бы 63-й, то мог. Никита Сергеевич Хрущев уже поговорил с интеллигенцией.

Когда Дмитрий Дмитриевич, как всегда раньше всех, собрался уходить, мы с Владиком Успенским, не в силах расстаться сразу с любимым учителем, вызвались немного его проводить. Он вышел из ректорского подъезда и двинулся к трамвайной остановке. Мы — чуть позади — следом. «Как два топтуна», — говорю я. Дмитрий Дмитриевич услышал, обернулся и рассмеялся.

Вскоре я получил такое письмо:

17 X 1965 Жуковка

Дорогой Борис Иванович!

Кутеж, организованный П.А.Серебряковым выбил меня из нормы. Мне очень хотелось Вам и В. Успенскому рассказать о том, что говорили о Вашем творчестве члены комиссии и от самого себя прибавить к этим разговорам. Писем писать я не умею, поэтому очень кратко изложу содержание этих разговоров.

Все согласились на том, что у Вас большой композиторский талант. Наиболее сильное впечатление на всех произвела последняя часть Вашей сонаты. С этим я не могу не согласиться. Действительно это очень сильная музыка.

Из упреков, которые раздавались по Вашему адресу были такие: мало своеобразия и оригинальности в Вашей музыке. Ваше увлечение «новыми» теориями, скрадывает Вашу индивидуальность. Рояль Вы трактуете как ударный инструмент (П. А. Серебряков). У Вас исчезает национальное русское начало (О. А. Евлахов). В Вашей музыке много сухости и рационализма (Б. А. Арапов). У Вас наблюдается увлечение западничеством (И. Я. Пустыльник). Однако все очень хвалили «Двенадцать», фортепианный концерт и другие Ваши сочинения.

При встрече, если таковая у нас с Вами состоится, я, вероятно, смогу Вам об этом рассказать более подробно, хотя я и плохой рассказчик.

Со своей стороны я хочу добавить, что упреки в сухости может и имеют некоторое основание. Однако «сухость» вообще свойственна молодости. Кроме того «сухость» хороша тем, что она опекает от слезливости, слащавости и т. п. плохих качеств.

Тем не менее на меня Ваша 3я соната производит очень сильное впечатление.

Мне даже начала нравиться 1я часть.

От чего же Вам надо избавляться, что Вам надо приобретать?

Трудно сказать. Может быть у Вас имеется некоторое

многоготие (иногда). Может быть надо больше диатонизма. И обязательно большей рельефности тематизма. Иногда это у Вас выходит очень здорово. Например мелодия из двух нот:

Иногда получается менее удачно.

Вообще ужасно трудно говорить о музыке. Все таки я до сих пор воспринимаю ее очень эмоционально. И если меня что либо разволнует или рассмешит, то я и доволен. Пожалуй, у меня такое же отношение и к поэзии, и к литературе.

Меня возмущают критические замечания, напр., по адресу стихотворения Евтушенко «Юмор», которое заканчивается так:

И так, да славится юмор!
Он мужественный человек.

Гы, гы, гы. Разве так говорят? Разве юмор человек? Гы, гы, гы». Такого рода ценители и критики вызывают у меня самый активный протест.

Вобщем побольше пишите. Пишите, что хотите и как хотите.

И делайте себе карьеру тем, что не делайте ее. (Гы, гы, гы!). И по возможности избавляйтесь от многоготия.

Передайте сердечный привет Насте и Вашему сыну (я не знаю как Вы его назвали).

Крепко жму руку.
ДШостакович

По некоторым признакам — это письмо прощальное. Особенно об этом говорит фраза «При встрече, если таковая у нас с Вами состоится», которая, конечно, повергла меня в уныние. Хотя, если читать внимательно, некоторые детали как бы санкционируют продолжение переписки. Но тогда я этого не

заметил и, в тоске, разразился длиннющим любовным, тоже прощальным, письмом, которое, как ни странно, не попало в корзину, а чудом сохранилось (кажется, это дело рук Максима), и вот сейчас оно передо мной, я могу его частично процитировать. Я писал, например: «Вы стали моим учителем задолго до наших занятий...»; «Я привязался к Вам... навсегда...»; «...Когда я изучил клавир Вашей 4-ой симфонии, я понял, что для меня это... музыкальная энциклопедия... и даже носился с мыслью оркестровать его».

Чтобы было понятно дальнейшее, нужно кое-что объяснить. Дело в том, что середина 60-х годов была связана у меня с драматической дружбой с Иосифом Бродским, с влюбленностью в его стихи, со знакомством с Анной Андреевной Ахматовой и ее поэтическим окружением. Поэтому (и не только поэтому) процветавший тогда тип «гражданской» поэзии, представителями которой были Евтушенко, Вознесенский и Рождественский, был мне, мягко говоря, чужд. Острота ситуации была в том, что Дмитрий Дмитриевич горячо любил Евтушенко и писал музыку на его стихи. Но когда над Иосифом разразилась гроза, Дмитрий Дмитриевич оказался, как говорится, «на посту». Мать Иосифа, Мария Моисеевна, зная, что я учусь у Дмитрия Дмитриевича, попросила меня поговорить с ним, чтобы он принял участие в освобождении Иосифа. При этом она просила напомнить, что когда-то училась вместе с Д. Д. в одной гимназии и у них был общий учитель по фамилии Крогиус. Изложив Дмитрию Дмитриевичу суть событий и, понятно, получив его согласие на участие в этом хлопотном деле, я дал ему номер телефона Бродских и помчался к ним, чтобы сообщить об этом. Только я вошел в комнату, раздался телефонный звонок. Мария Моисеевна сняла трубку, ответила и тут же приложила палец к губам. Мембрана старого телефона страшно дребезжала, и я услышал характерный голос высокого тембра: «Это Мария Моисеевна? Говорит Дмитрий Дмитриевич Шостакович, друг Бориса Ивановича Тищенко». Так я узнал, что мы с Шостаковичем друзья.

Я не знаю всех подробностей деятельности Д. Д. на поприще спасения Иосифа, но знаю, что он обивал очень высокие пороги, возвращался, дрожа от негодования, ибо всюду встречал матерую ненависть к поэту и далеко не ласковый прием. Тем не менее его усилия, соединенные с усилиями таких замечательных людей, как К. И. Чуковский, С. Я. Маршак,

В. Г. Адмони, Е. Г. Эдкинд и другие, дали плоды: вместо пяти лет Иосиф пробыл в ссылке полтора года и по возвращении, благодаря новым хлопотам Д.Д., получил обратно и ленинградскую прописку.

Вот в это время, в этой ситуации и произошло окончание аспирантуры и обмен прощальными письмами. Я опускаю длинные сентиментальные и чуть глуповатые излияния, а приведу лишь то, что вызвало бурную, даже гневную, реакцию Дмитрия Дмитриевича. Итак, из моего «спасенного» письма от 20 октября 1965 года:

«...Я не люблю Евтушенко... мне кажется, что он обращается со стихами к типам, которым необходима петля или решетка, а не рифмованные увещания. ...Гораздо благороднее и смелее мне кажутся Мандельштам и Ахматова, высказывавшиеся совсем в других условиях, а евтушенковские «скажу три минуты правды, а потом пускай убьют» (точно наизусть не помню) мне кажутся невозможным кокетством. ...Это проповедь Антония Падуанского рыбам. <...> Его стихи трещат от натуги, которой не было даже у Маяковского. Когда я читаю его стихи, у меня ощущение, что кто-то уселся мне на шею и трещит с меня того, что я и так делаю... «Не воруй у людей мед», «Не лги» и т. д. А ведь обо всем этом Христос говорил лучше. Но все-то дело в том, что тому, к кому это относится, до этих стихов и дела-то нет: рыбки... пожирают друг друга под аккомпанемент этой проповеди. <...> И потом... неприятно, когда поэт выставляет себя в качестве этического образца («Я — настоящий русский», я «не делаю карьеры» и т. д.)... Это... морализующая поэзия — не лучшая разновидность поэзии».

Дальше я пытаюсь изложить концепцию «святости» в искусстве. Пишу о Малере, Цветаевой, о ее «Искусстве при свете совести», о самом Шостаковиче.

Потом возвращаюсь к нашим музыкальным делам: «С какого-то времени я абсолютно перестал заботиться об „индивидуальности“ и „оригинальности“. Если мне что-нибудь нравится из сочиненного мной, — то это и есть мое. <...> Очень странно, что эти... говорят об „оригинальности“ — ведь у каждого из них в кармане удавка на всякую „индивидуальность“ и „оригинальность“. Ценно для меня единство, соответствие малого и целого... как у Ахматовой: поразительная гармония между огромным

(в „R“: „...И если зажмут мой измученный рот, Которым кричит стомиллионный народ...“) — и каждой буквой, каждым словом... То же у Цветаевой, у Бродского. Может быть, в этом секрет огромной художественной свободы... <...> Например... как свободно пишет Солженицын... Таков и „Швейк“, Зощенко...» И т. д.

Потом я излагаю некоторые положения теории сочинения музыки (своей), которым, конечно, никогда не следовал.

И в конце:

«Еще раз хочу... поблагодарить Вас за Иосифа... Его написали... Налаживаются его дела в литфонде. <...> Мне очень хочется, чтобы Вы что-нибудь почитали из последних его стихов.

...Сына мы называли Дмитрием (...поэт Женя Рейн пошутил: „Как поживает Дмитрийдмитриевичшостакович Борисович Тищенко?“).

...Простите меня за это длинное письмо. Спасибо Вам за все».

Ответное письмо Дмитрий Дмитриевич не только не отправил, но и не дописал. В корзину оно тоже не попало, видимо, благодаря Ирине Антоновне. Некоторый свет на факт неотправки, да и недописанности этого письма, может быть, проливает следующее. Дружа и много общаясь с другим аспирантом Д. Д. — Геннадием Беловым, я частенько упрекал его в том, что он иногда апеллирует к патриотической тематике, пренебрегая законами музыки. Когда Д. Д. спросил меня, какого я мнения о Поэме Белова на стихи О. Берггольц, я ответил, что он пытается совместить партийность, народность и додекафонию. Позже Гена честно рассказал мне, что посетовал Дмитрию Дмитриевичу на меня в том плане, что я, дескать, против гражданственности в искусстве. На что Д. Д. ему ответил:

— Вы недооцениваете значение чистой музыки.

Во всяком случае, неотправка этого письма говорит о сомнениях Дмитрия Дмитриевича — не в защищаемых им идеалах, конечно, а в том, что я не разделяю его убеждений. Можно думать, что он счел это письмо резковатым, менторским. Но не мог же он посчитать, что «не в коня корм»? Вот я перечитываю это письмо и счастлив, что у меня есть эта возможность. Предоставляю ее и другим.

26 X 1965 Жуковка

Дорогой Борис Иванович!

Спасибо за письмо, за слишком добрые слова в мой адрес. Спасибо и за то, что оно (Ваше письмо) заставляет писать Вам ответ.

За последние годы я совсем не пишу писем: нету мыслей в голове. Да и вообще эпистолярия как-то вышла из нашего быта. При наличии телефона, телеграфа, современных видов транспорта в писании писем исчезает необходимость. Однако память человеческая коротка (у меня в особенности) и поэтому ждать встречи с Вами, чтобы высказать некоторые мои соображения, не хочу. Боюсь, что забуду свои соображения. Мне обидно за моего любимого поэта, или за одного из самых мною любимых поэтов — за Евтушенко. Отставим в сторону такие вещи, как красота слога, изящность рифмы и т. п. Я в этом плохо разбираюсь.

Вам не нравится, что он сел Вам на шею и учит Вас тому, что Вы знаете «Не воруй мед», «Не лги» и т. д.

Я тоже знаю, что так поступать нельзя. И стараюсь так не поступать. Однако мне не скучно слушать об этом лишний раз. Может быть Христос говорил об этом лучше, и даже, вероятно, лучше всех. Это, однако, не лишает права говорить об этом Пушкина, Л. Толстого, Достоевского, Чехова, И. С. Баха, Малера, Мусоргского и многих других. Более того: я считаю, что они обязаны об этом говорить, как обязан это делать и Евтушенко.

Лишний раз напомнить об этом, святая обязанность человека.

Никакого «ячества» у Евтушенко нет. И когда он говорит «я», то это он говорит не о себе. Как же это Вы не понимаете? Ужасно несправедливы Ваши утверждения о кокетстве Евтушенко. Право же такие суждения мне напоминают высказывания неких интеллигентов по адресу таких великих писателей, как Зощенко (попшляк, подонок) или Солженицына (плохой язык, ложная направленность). А что такое

«морализующая» поэзия, я так и не понял. Почему она «не из лучших» как Вы утверждаете. Мораль, это родная сестра совести. И за то, что Евтушенко пишет о совести, дай Бог ему всего самого доброго.

Каждое утро, вместо утренней молитвы, я перечитываю, вернее произношу наизусть два стихотворения Евтушенко: «Сапоги» и «Карьера». «Сапоги» — совесть, «Карьера» — мораль. Нельзя лишаться совести. Потерять совесть — все потерять.

И совесть надо внушать с самого раннего детства.

«Не пожелай вола, осла, жены своего ближнего», «не убий», «не украдь» не только потому, что тебе попадет за это, но и потому, что так поступать стыдно (между прочим и этому надо учить и об этом надо напоминать. Сейчас как-то больше учат тому, что очень плохо сочинять формалистические симфонии, еще хуже извращать вопросы языкознания, а уж самое плохое, отчего кровь стынет в жилах, танцевать твист. Недавно в газете «Вечерний Ленинград», я прочел о том, как два молодых человека, 17 и 18 лет подошли к некоему гражданину и попросили у него закурить. Получив отказ, они убили этого гражданина. 17-летний как не достигший совершеннолетия, приговорен к 15 годам. 18-летний, как достигший совершеннолетия, приговорен к расстрелу. «Вечерний Ленинград» спрашивает: Кто же виноват? Школа? Семья? Комсомол?).

Мне думается, что эти мальчики, о которых выше шла речь, не знали о том, что убивать нельзя не только потому, что за это они будут наказаны, но и потому, что это нехорошо. Может быть их мало учили этому, мало напоминали об этом.

Честь и слава Евтушенко, что он об этом напоминает, «морализует». Поймите же это, не снобствуйте!

Добро, любовь, совесть — вот, что самое дорогое в человеке. И отсутствие этого в музыке, литературе, живописи не спасают ни оригинальные звуко сочетания, ни изысканные рифмы, ни яркий колорит.

«Гений и злодейство — вещи несовместные».

«Не убий».

«Не пожелай вола, осла, жены своего ближнего».

«Бытие определяет сознание».

Я горжусь за человечество, что его великие сыны родили такие великие мысли.

Очень хорошо, что Вы не стремитесь к оригинальности своей музыки. Она у Вас и так появится. Мне хочется чтобы слушая Вашу музыку, я бы мог, не заглядывая в программу, сказать: это Тищенко. И иногда я уже это могу говорить, слушая Вашу 3ю сонату для ф. п., заключение «Двенадцати», «Палех». А мне хочется так говорить и о всей Вашей музыке. И несомненно я так буду говорить через некоторое время

На этом неотосланное письмо обрывается. При встрече, которая все же состоялась (и не одна. Мог ли я тогда предполагать, что вот тут-то и началась наша настоящая десятилетняя дружба?), Дмитрий Дмитриевич ограничился по этому поводу одной лишь фразой: «Зря вы ругаете Евтушенко. Он хороший парень». И в том, что это так, я вскоре убедился. Дмитрий Дмитриевич «сосватал» меня писать музыку к пьесе Евтушенко «Под кожей статуи Свободы», видимо, вместо себя. Ее ставил Ю. П. Любимов в Театре на Таганке. Пьеса мне не понравилась, я отказался и сказал об этом Д. Д. «Стряпня», — согласился он. Не помню, когда и по какому поводу Дмитрий Дмитриевич заметил: «Евтушенко как-то сказал, что „умирают в России страхи“. Но это не так». Но с Евтушенко я познакомился, мы понравились друг другу. Он оказался незлобивым и терпимым к критике, что меня покорило. В моей библиотеке есть книга его стихов «Идут белые снега» с дарственной надписью. Хотя и с большими перерывами, наш контакт иногда возобновляется. Есть у меня подозрение, что Д. Д. пытался сосватать меня и в кино. Как-то мне позвонил из Москвы кинорежиссер Рошаль и предложил сотрудничество. Фильм

должен был быть о Карле Марксе. Я спросил у Д. Д., что такое Рошаль.

— Это сотый еврей.

— ?!

— Из ста евреев 99 умных.

Звонков из Москвы больше не было.

Следующее трогательное письмецо-поздравление для меня не менее дорого, чем другие письма.

8

Дорогие Настя, Боря и Митя!

Горячо поздравляем Вас с

Новым годом.

Будьте всегда здоровы и счастливы.

Крепко Вас целуем

Ваши И. Шостакович*

ДШостакович

---

*Рука Ирины Антоновны Шостакович. (Новый — 1966 год.)

Со следующим коротким письмом тоже очень многое связано в моей жизни. Конверт без адреса. Видимо, было с кем-то передано.

9

Борису Ивановичу

Тищенко

тел. А60802 или А60327

от ДШостаковича

5 I 1966

Дорогой Борис Иванович!

Узнал я, что 5го и бго Февраля М. Л. Ростропович будет играть Ваш концерт.

Помнится мне, что кое где в Вашей партитуре имеется несомненная перегрузка оркестровки; кое где виолончель, как мне кажется, просто не будет слышна.

Я очень прошу Вас «под этим углом» просмотреть партитуру и в тех местах, где оркестр заглушает виолончель, сделать так, чтобы солист был слышен.

Обязательно сделайте это.

Крепко жму руку.

Ваш ДШостакович

Виолончельный концерт (№ 1), о котором говорится в письме, — «незаконное дитя» в нашей аспирантской программе. По учебному плану я должен был приняться за 3-ю фортепианную сонату. И вдруг я приношу виолончельный концерт.

— У вас же в программе соната?

— Сонату я обязательно напишу, а сейчас — виолончельный концерт.

— Почему?

— Меня попросил Ростропович.

— А если вас кто-нибудь еще чего-нибудь попросит — вы все так и будете?..

Педагог оказался строгим и ревнивым. Как это так? Кто-то, будь то хоть Ростропович, вмешивается в учебный план! Непорядок. Однако сочинение его «забрало», слушал с напряженным увлечением. В одном месте, где кларнеты начали играть интервально-путаную фигурацию, спросил: «Это и есть эта самая додекафония?» Я говорю: «Нет, подбирал по слуху». Д. Д. это очень понравилось, он улыбнулся и пару раз повторил: «Подбирал по слуху, подбирал по слуху».

А с Ростроповичем на почве этого концерта мы страшно подружились, часто встречались, гуляли по городу, встречали вместе Новый год, он приходил ко мне домой. Ростропович 60-х годов — это тоже незабываемое по силе и яркости впечатление. Как-то он возвращался из-за границы на машине через Финляндию, проезжал мимо Репино — а там в это время отдыхал и работал Дмитрий Дмитриевич. И я там тоже обитал. Ну, Слава и заглянул «на огонек» на пару деньков. Сначала — к Дмитрию Дмитриевичу, потом ко мне, у меня засиделись, «водки, как всегда, не хватило». Я сбегал к официантке Анечке, у которой был запасец. Добавили. Через некоторое время

после того, как Слава ушел и все уgomонились, — тихий стук в окно. Дмитрий Дмитриевич:

— И это называется великий артист? У меня посидел, выпил, у вас посидел, выпил, так вы еще к Анечке за маленькой бегали? И это называется великий артист?

До сих пор не пойму, откуда он все узнал и что это было: ревность, отцовская забота, чтобы два молодчика не спились, или что-то третье? Но всегда вспоминаю этот эпизод со смешанным чувством стыда и нежности.

Особенности оркестра моего виолончельного концерта (одни духовые и ударные, без струнных) беспокоили Дмитрия Дмитриевича и в дальнейшем, что видно и из следующего письма.

10

Ленинград Ф-121
Мойка 112, кв. 40
Борису Ивановичу Тищенко

Москва К-9
ул. Неждановой 8/10, корпус 2,
кв. 23. ДШостакович

23 IV 1966. Ореанда.

Дорогой Боря!

Если Вы не раздумали ехать на Пражскую весну и если хотите туда ехать с Настей, то напишите об этом секретарю Союза композиторов СССР Петру Ивановичу Савинцеву. Пишите ему о том, что Вы хотите ехать со своей женой, ибо вопрос о Вашей поездке кажется решен положительно. Если же Вы раздумали ехать, то это тоже хорошо: в гостях хорошо, дома лучше. В абсолютной правдивости этого народного афоризма я убедился на своей собственной шкуре.

Меня беспокоит то, что Ваш концерт будет играть местный виолончелист и дирижировать будет местный маэстро. Это несомненно даст повод для критических замечаний такого рода: «дескать молодой композитор еще не научился хорошо оркестровать. Во многих местах партия виолончели совершенно не слышна». Блажков и Ростропович добились должного звучания. Вряд ли этого добьются чешские исполнители

и таким образом Вы бросите «музыкальным критикам» жирный кусок хлеба. Во избежание этого, поезжайте заранее и требуйте столько репетиций, сколько нужно.

Возможно, что на пражскую весну поедет Моисей Самуилович Вайнберг. Это один из самых любимых мной композиторов. Это удивительно прекрасный человек. (Впрочем я спутал: он поедет на варшавскую осень). А то было бы хорошо, чтобы Вы с ним поближе познакомились.

Мы с Ириной находимся сейчас в Крыму, в нижней Ореанде, что в десяти километрах от Ялты. Весна в Крыму удивительно хорошая. У нас комната с видом на море. Сегодня я смотрел восход солнца, которое вылезает из за морского горизонта. Пробудем здесь до 13 Мая. Сочиняю с энтузиазмом виолончельный концерт. Энтузиазм к сочинению оперы «Тихий Дон» окончательно испарился. Вызвано это обстоятельствами как идейного порядка, так и безыдейного.

Передайте пожалуйста сердечный привет всей Вашей семье.

Крепко жму руку.

Ваш ДШостакович

P.S. На меня огромное впечатление произвела повесть Чингиза Айтматова «Прощай, Гюльсары». Она напечатана в 3м номере журнала «Новый мир». Прочтите обязательно! ДШ

В мае 1966 года с Дмитрием Дмитриевичем произошло несчастье, в котором косвенно повинен я. Как-то он спросил меня: кого из хороших басов я мог бы ему порекомендовать. Я назвал Евгения Нестеренко, тогда только набиравшего силу. В авторском концерте Д. Д. в Малом зале филармонии, исполняя «Предисловие к полному собранию моих сочинений», Нестеренко слегка запутался в словах, что в зале было мало заметно, но для уставшего сердца Дмитрия Дмитриевича это оказалось лишней каплей, и после концерта консилиум заподозрил инфаркт. Его поместили в «старую» Свердловку, где я навещал его, и он довольно бодро гулял, крепко поругивая

китайцев за статьи вроде «Как я перерезал и перевязал семенные протоки». Летом его перевели в санаторий «Мельничный Ручей» для реабилитации. Оттуда — эта открытка:

11

Ленинградская область
Репино
Дом композиторов.
Борису Ивановичу Тищенко.

Москва К-9. ул. Неждановой 8/10, корпус 2. Кв. 23.
ДШостакович

13 VIII 1966. Мельничный ручей.

Дорогой Боря!

Долго не писал Вам, т. к. долго не мог прижиться в Мельничьем ручье и очень хотелось отсюда уехать. Но, в конце концов, я прижился и мне стало очень здесь все нравиться.

Сообщаю Вам мой адрес:

Ленинградская область. Мельничный ручей. Санаторий Обкома КПСС.

тел. Ж 8-19-14, добавочный дача № 1.

Всей Вашей семье шлю самые лучшие пожелания.

Ваш ДШостакович

В «Мельничный Ручей» мы ездили вместе с Ириной Антоновой на моем стареньком «Москвиче». Ранее Дмитрий Дмитриевич тоже был его пассажиром, когда мы навещали голубые озера и прочие красоты Карельского перешейка. Нестеренко же впоследствии искупил и свою и мою вину великолепным исполнением Сюиты на стихи Микеланджело, 14-й Симфонии и других сочинений Шостаковича.

Новогодняя открытка Д. Д. — пример лаконизма, юмора и изобретательности:

12

Дорогие
Настя,
Боря,
Митя!
(см. на обороте!)

Горячо
поздравляю
вас
**С Новым
годом!***

Ваш ДШостакович

---

* Художественный типографский шрифт на открытке. Слева — зимний пейзаж.

В следующих трех письмах речь идет о моей 3-й Симфонии, посвященной Дмитрию Дмитриевичу.

13

Ленинград Ф-68
Малая Подъяческая
д. 8, кв. 15
Борису Ивановичу
Тищенко

Москва К-9. ул. Неждановой 8/10, корпус 2, кв. 23.
ДШостакович

16 IV 1967 Жуковка
Дорогой Боря!

Мне говорил А. П. Петров, что Ваша (моя) симфония будет исполняться на ближайшей Ленинградской весне. Так как очень сомнительно, что я смогу приехать в Ленинград, то

обращаюсь к Вам с большой просьбой: Если у Вас будет возможность — запишите симфонию на магнитофон и при случае дайте мне возможность познакомиться с этой записью.

Насте, Мите и всем Вашим шлю самые лучшие пожелания.
Ваш ДШостакович

14

(открытка)

6 V 1967 Ленинград.

Дорогой Боря!

Сегодня я приехал в Репино. Очень хочу Вас видеть и слышать 3ю симфонию и скрипичный концерт.

Звоните в 9, 14 или в 19 часов. Может у Вас будет возможность приехать в Репино с магнитофоном. Как это было бы хорошо.

Ваш ДШостакович

15

Ленинград Ф-121
Мойка д. 112, кв. 40
Борису Ивановичу
Тищенко

Москва К-9. ул. Неждановой 8/10, корпус 2, кв. 23.
ДШостакович

15 VI 1967 Жуковка

Дорогой Боря!

Сейчас прослушал Вашу симфонию. Слушал я ее уже много раз. Пожалуй знаю ее теперь очень хорошо. Спасибо горячее за посвящение. Для меня это большая честь и большая радость. Каждый раз, когда запускаю симфонию, я беру партитуру и задаюсь благим намерением исправить ошибки,

и сделать некоторые редакционные поправки. Но очень скоро заслушиваюсь и забываю об этом.

В следующий раз обязательно напишу Вам о всех замеченных «опечатках». Их немного, но около десятка я обнаружил.

Иногда Вы забываете, что человек — животное дышащее и питается духовым, особенно деревянным так, что не даете им дышать. Потом об этом вспоминаете и делаете для них паузы, иногда несколько искусственные.

И эти моменты я Вам укажу, но в следующий раз.

Я люблю красивые гармонии и меня ужасно радуют такты 479 и ему подобные.

Мне кажется, что сейчас к гармонии относятся скептически. Это меня огорчает.

Не забывайте меня. Сообщайте о себе, о своей семье.

Помнится, Настя как-то говорила, что в симфонии имеются длинноты.

Мне кажется их нет, хотя я и старался их [выискать]: ведь Настя очень музыкальна и к ее замечаниям прислушиваешься.

Я живу на даче, т. к. в моей квартире идет сейчас весьма капитальный ремонт. Хочется мне в Комарово. Очень многое связано в моей затянувшейся жизни с этим местом.

Передайте всем Вашим мой привет и самые лучшие пожелания.

Ваш ДШостакович

Как видно из последнего письма, уроки продолжались.

Следующие семь писем мне комментировать очень трудно, так как этот период совпал с тяжелыми переменами в моих семейных делах и с самым страшным событием в моей жизни — смертью мамы. Мне трудно их даже перечитывать: такое беспокойство сквозит между строк. В этот период я часто менял место жительства, одно время жил даже в Москве, где писал музыку к фильму «Гибель Пушкина», и мы часто встречались с Дмитрием Дмитриевичем.

16

(открытка)

1 VII 1967 Жуковка

Дорогой Боря!

Спасибо за письмо. Если ничего не случится, что могло бы мне помешать, то я с 4го или с 5го июля буду в Репино, в Доме композиторов. Очень бы хотелось повидаться с Вами.

Ваш ДШостакович

17

(открытка)

Ленинградская область

Комарово

Ленинградская ул. 54

Настасье Исаевне Тищенко

Репино. Дом композиторов. ДШостакович

17 VII 1967 Репино

Дорогая Настя!

22го Июля я покидаю Репино. Напишите мне, где бы я мог найти в Москве Борю.

В день отъезда я завезу к Вам магнитофон, который мне предоставил Боря.

Вобщем, либо напишите, либо позвоните по телефону 28-45. Звоните в 9, 14 и 19 часов. Пишите по адресу: Ленинградская область. Репино. Дом композиторов.

ДШостакович

Это послание, хоть адресовано и не мне, попало сюда, так как адресату не понадобилось.

4 VIII 1967 Беловежская Пуца.

Дорогой Боря!

Если Вы соберетесь совершить автопутешествие в Беловежскую Пуцу, то протелеграфируйте мне об этом. Я постараюсь обеспечить Вам ночлег и приют.

Телеграфируйте по адресу Каменюки Брестской области Гостиница № 12. Мне.

Дескать выезжаем такого то числа. Ждите.

Мне можно звонить и по телефону: Город Каменец телефон № 97772.

Этот телефон стоит у нас в номере. Между прочим упомянутая выше гостиница не имеет названия. В адресе я его не пропустил.

Каменюки находятся в 60ти километрах от Бреста. Въезд сюда свободный. Никаких пропусков не надо.

К сожалению здесь невыносимо жарко. Прохлада наступает поздно вечером. Тогда же начинают свою работу комары, кусающиеся немилосердно.

Было бы очень хорошо, если бы Вы осуществили свое намерение посетить Пуцу.

Зубры пугают меня своим мутным взором, в котором странно сочетаются свирепость и спокойствие.

Передайте сердечный привет Насе и Мите.

Ваш ДШостакович

Пробудем мы в Пуце числа до 20го Августа. ДШ

11 VIII 1967. Каменюки.

Дорогой Боря!

К сожалению нам надо с 22го Августа быть в Москве. Поэтому если Вы соберетесь в Беловежскую Пуцу, то нас здесь после 20го Августа не будет.

Посылал я Вам письмо не зная Вашего московского адреса.

Просил позвонить Вам по телефону и таким образом передать Вам письмо.

Однако от Вас ответа не было. Боюсь, что с письмом Вы разъехались.

Ирина и я шлем Вам, Насте и Мите сердечный привет.
Ваш ДШостакович

На всякий случай мой адрес до 20 VIII. Брестская область. Каменюки. Гостиница «Беловежская Пуца» № 12.

Если звонить по телефону, то вызвать город Каменец Брестской области № 97772. ДШ

20

30 VIII 1967. Жуковка.

Дорогой Боря!

Очень жалко, что Вам не удалось пожить в Беловежской Пуще. Но это, надо надеяться, Вам удастся в будущем. Удивительно прекрасное место Земного шара.

Вернувшись домой, я почувствовал насколько там лучше. Кроме того мне ужасно не хватает общества зубров, оленей и кабанов, с которыми я много проводил времени. Очень симпатичны олени и кабанята. Кабаны очень свирепы. А зубры просто вызывают страх, когда уставляют на Вас свой мутный и свирепый взор.

Может быть с 23го по 30е Сентября мы будем в Ленинграде. Недавно Ирина приобрела пластинку с цыганскими песнями. Это так хорошо, что лучше невозможно представить. Великолепно поет певица Волшанинова. Когда ее слушаешь, то льются слезы и появляется горячее желание выпить и закусить. Если такая пластинка Вам попадется, то обязательно купите ее и слушайте. Не даром Лев Толстой так любил цыганское пенье.

Как то я Вам звонил, но не застал Вас дома. Где Вы? В Комарово или уже вернулись в Ленинград? Как у Вас обстоят дела с Пушкиным?

Вообще давайте о себе знать.

Что Вы сейчас пишете?

Я сейчас ничего не пишу. Да и «творческих планов» на будущее нету.

Передайте сердечный привет Насте, Мите, Браудам, Вашей Маме.

Ваш ДШостакович.

P.S. Если еще не прочли, то прочтите обязательно «Христиане», «Жили-были» и «Губернатор» Леонида Андреева.

ДШ

В этом письме Дмитрий Дмитриевич передает единственный свой письменный привет моей маме, словно предчувствуя, что ее скоро не станет.

Пластинку Волшаниновой я, конечно, купил. Она и сейчас есть у меня. Через пару месяцев Дмитрий Дмитриевич спросил, почему я не написал ему о своих впечатлениях. Я ответил, что потому, что впечатление оказалось не очень сильным. Я, видимо, родился слишком поздно и сделан немножко из другого теста, чем Лев Толстой, и цыганское пение не вызывает у меня таких сильных эмоций.

21

Ленинград

Театральная площадь 3.

Консерватория

Борису Ивановичу Тищенко

Москва К-9. ул. Неждановой 8/10, корпус 2, кв. 23.

ДШостакович

3 I 1968 Москва.

Дорогой Боря!

Спасибо Вам за Вашу телеграмму. Я уже с 30го Декабря нахожусь дома. Пребывание с больницы мне очень надоело и я радуюсь тому, что имею возможность чувствовать себя свободней и веселее.

Я не знаю Вашего адреса; поэтому пишу на Консерваторию. Авось дойдет это послание до Вас. Знаю Ваш телефон, но звонил пока безуспешно: никто не отвечал.

Сообщите мне по какому адресу можно Вам писать.

Вообще я о Вас беспокоюсь. Бог даст, жизнь у Вас сложится хорошо и благополучно.

Сам я чувствую себя хорошо. Однако хожу пока еще плохо. При резвости моего характера слабые ноги мне очень мешают.

Будьте здоровы и благополучны.

Пусть 1968 год принесет вам много радостей. Ваш
ДШостакович

22

(открытка)

Ленинград К-223
Светлановский проспект
д. 9 кв. 44
Б.И.Тищенко

Москва К-9. ул. Неждановой 8/10, корпус 2, кв. 23.
ДШостакович

23 VII 1968. Москва.

Дорогой Боря!

На всякий случай сообщаю Вам новые номера моих телефонов с 27 июля.

2-29-95-29 (город)

1-58-66-40 (дача).

Шлю Гале и Вам самые лучшие пожелания. ДШостакович
Со 2го Августа, возможно, буду в Репино.

Предпоследняя строка этой открытки напомнила мне, как Дмитрий Дмитриевич говорил однажды:

— Встречая знакомого на улице, я теперь опасаясь передавать привет жене, так как однажды попал в неловкое

положение. Говорю: «Привет Кате». А мне в ответ: «Знаете, с Катей я разошелся. Мою жену зовут Валя».

23

Ленинград
Канал Грибоедова
124, кв. 38
Борису Ивановичу
Тищенко

Москва К-9. ул. Неждановой 8/10, корпус 2. кв. 23.
ДШостакович.

3 X 1968 Жуковка

Дорогой Боря!

Ваш звонок меня обрадовал. От неожиданности я забыл поблагодарить Вас и Галю за Вашу телеграмму. Закончив разговор с Вами, я забыл о каких стихотворениях Блока шла речь. Поэтому сообщаю обо всех.

Все стихотворения напечатаны в собрании сочинений А. Блока в двух томах (Государственное издательство художественной литературы. Москва 1955).

Теперь о страницах и годах.

Песня Офелии (8 февраля 1899) стр. 11

Гамаюн, птица вещая (23 февраля 1899) стр. 13

Мы были вместе (9 Марта 1898) стр. 13

Город спит (23 Августа 1899) стр. 17

Буря (24 Августа 1899) стр. 17.

(Название «Буря» я придумал сам. У Блока нету названия).

Тайные знаки (октябрь 1902) стр. 74.

(Название придумал я).

Музыка (Сентябрь 1898) стр. 6.

(Название придумал я.)

Вот интересующие Вас сведения об этих стихах.

Жизнь у нас сейчас идет не очень благополучно. Андрей и Николай больны коклюшем. Очень их жалко.

Через шесть недель они должны поправиться.

Передайте пожалуйста Галине и Всеволоду наши лучшие пожелания.

Ваш ДШостакович

Очень хорошо помню, как летом 1967 года Дмитрий Дмитриевич играл и пел мне эту сюиту у себя на даче в Жуковке. Вспоминаю, как в этот тяжелый период я попал на застолье к Д. Д. после какой-то его премьеры. Я сидел, опустив голову, погруженный в свои свинцовые думы. Когда я поднял лицо, я увидел, что Дмитрий Дмитриевич пристально смотрит прямо мне в глаза, чего до сих пор никогда не было, и взгляд его немигающих зеленых глаз просто прожигает, как лучи лазера.

Как-то при встрече Дмитрий Дмитриевич сказал: «Вот вы хотели соркестровать мою 4-ю Симфонию. А теперь мне пришло желание пооркестровать. Пришлите мне, пожалуйста, клави́р вашего Виолончельного концерта. Именно клави́р. Партитуру — потом». Конечно, клави́р был тщательно переписан и послан любимому учителю. И вот такое письмо:

24

15 V 1969. Москва

Дорогой Боря!

С трепетом посылаю Вам партитуру. Поверьте, что я инструментовал Ваш концерт с полным уважением и с большим восхищением к клави́ру.

Более подробные объяснения я буду давать Вам при встрече. А сейчас постараюсь оправдаться в главном: у меня наверное испортился слух, т. к. мне надоедает долго слушать духовые инструменты. Поэтому я не злоупотреблял духовым звучанием и начисто изъясил из партитуры медь. Таким образом я разрешил для себя две задачи: 1) Звучность не будет надоедать и 2) Сольная виолончель везде будет слышна.

Цифра [50] такт 6. Здесь мне необходим низкий фагот. Однако у него нету ноты ля. Поэтому довольно нахально я приставляю к ля знак диез.

В цифре [23] и далее я сильно изменил Вашу фактуру. Все ноты, которые у Вас играютсЯ **А** **7** **А** и т. п. я свел в один аккорд из тех же нот. Во-первых виолончель будет слышна и во вторых это будет здорово звучать, если струнные будут играть громко и четко.

Больше я не вносил своей капитальной отсебятины. Но на все Ваши вопросы при встрече отвечу. И надеюсь оправдаться.

Сердечный привет Гале.

Крепко жму руку

Ваш ДШостакович

P.S. Когда получите партитуру, дайте мне знать. ДШ

Я не берусь описать восторг, который я испытал, получив этот бесценный подарок (поводом для которого послужило мое тридцатилетие) и одновременно еще один урок оркестрового мастерства. Я изучил и рассмотрел рукопись Дмитрия Дмитриевича, как говорится, «под микроскопом», тщательно переписал ее, и у меня, конечно, возникли некоторые вопросы, в частности по поводу баланса. Все свои выкладки я изобразил в двух цветах — красном и черном — и привез Д. Д. Он недовольно повертел мой листочек и отдал тут же со словами: «Дареному коню в зубы не смотрят».

Это письмо связано с трагедией: покончила с собой Нина Ефимовна Баснер.

[25]

4 VI 1969 Жуковка

Дорогой Боря!

Через некоторое время к Вам придет перевод на 100 рублей. Если Вам будет не очень трудно, то израсходуйте эти деньги так:

Закажите в цветочном магазине венок и траурную ленту с надписью:

«Нине Ефимовне Баснер от семьи Шостаковичей».

Этот венок свезите на ее могилу. Она похоронена на Серафимовском кладбище (так мне сказал Б. Чайковский, когда вернулся из Ленинграда).

Кончина Нины Ефимовны всех нас потрясла. Мы ее очень любили.

Ваш ДШостакович

Если это поручение Вам будет трудно выполнить, то попросите это кого-нибудь сделать.

Передайте наш сердечный привет Гале. ДШ

Со следующей открыткой у меня связаны воспоминания о путешествии в Армению, о днях, проведенных с Ириной Антоновной и Дмитрием Дмитриевичем в Дилижане, о поездке на двух машинах на место встречи Пушкина с телом Грибоедова, на озеро Севан и о вечерних музицированиях: я показывал запись своих «Северных этюдов», играл и пел оперу Монтеверди «Коронация Поппеи».

26

Ставропольский край
Ессентуки. Белый уголь.

Пер. Тельмана 7, кв. 2.

Борису Ивановичу Тищенко

Москва К-9. ул. Неждановой 8/10, корпус 2, кв. 23.

ДШостакович

9 VII 1969. Дилижан.

Дорогой Боря!

Будем очень рады, если Вы нас застанете в Дилижане. Мы здесь пробудем до 20го июля. Вылетаем в Москву 21 июля.

Ирина и я шлем Гале и Вам сердечный привет.

ДШостакович

Несколько писем комментариев не требуют. Когда я приезжал в Москву, все во мне было радостно возбуждено: здесь Шостакович, Юдина, Ростропович, я могу позвонить им и повидаться. Звонил я и проездом, и из Ленинграда. Как-то раз Д. Д. спросил, по какому поводу я звоню. Я ответил, что без повода, просто так. Он обрадовался:

— Как это хорошо: просто так! Обычно звонят по делу.

И приезжал к нему «просто так» в Москву, в Жуковку, в Репино, правда договорившись заранее и, как правило, с музыкой. Как-то я вошел в 20-й коттедж, Дмитрий Дмитриевич смотрел хоккей по TV. Увидев меня, он мгновенно выключил телевизор и встал. Только болельщик может понять, какой это подвиг. Я сослался на какие-то дела и на время матча ушел погулять по взморью.

— Хорошая игра — хоккей, — говорил Д. Д., — только шайба маловата, плохо видна.

В другой раз он нетерпеливо ожидал меня на крыльце.

— Скорее заходите, у меня очень скучный собеседник.

В кабинете, развалясь в кресле, сидел один из моих непосредственных консерваторских начальников.

— Почему вы не были, — начал он, — вчера на торжественном вечере, посвященном 9 Мая?

— Был.

— А я вас не видел.

— Ничего странного, вы были в президиуме, а я — в зале.

— И вообще я вами недоволен. Не ведете общественной работы.

— Оставь его, — вмешался Д. Д., — он хороший композитор.

— Всегда ты, Митя, его защищаешь...

27

25 I 1970 Жуковка

Дорогой Боря!

С 26 января мы будем жить в Репино, в доме композиторов. Было бы хорошо, если бы Вы с Галей навестили нас.

Звоните предварительно. А то мне придется раза два выехать в город.

Ваш ДШостакович

17 IV 1970 Курган

Дорогой Боря!

Спасибо Вам за письмо. Мое лечение идет хорошо. У меня уже имеются большие достижения. Я гораздо лучше хожу, играю на рояле, преодолеваю препятствия, и т. п. Физически я стал сильнее. Великий врач Г. А. Илизаров, уделяет мне много внимания и дает слово, что выйду я отсюда (из больницы) совершенно здоровым, с сильными руками и ногами. Я очень рад был узнать, что Вы много в последнее время музицируете.

Я радуюсь, что звучат Ваши сочинения, что Вы вместе с В. С. Либерманом концертируете с сонатами Баха и Моцарта. Я с большой радостью читал Ваши восхищения «Трио» Г. Устовольской и восхищения ее произведениями.

Я знаю и очень люблю ее «Трио», Скрипичную сонату, 12 прелюдий и многие другие ее произведения.

А. К. Лядов (композитор) когда то сказал: «Пушкин — явление великое. Когданибудь так будет говорить весь мир». (Я цитирую, возможно, не очень точно).

Я верю в то, что творчество Г. И. Устовольской обретет всемирное признание всех, кому дорого настоящее музыкальное творчество.

Очень я советую Вам поискать книгу о Лядове, изданную в 1916 году.

У меня была эта книжка, но я ее подарил Тане Николаевой. Почитайте.

Во многом А. К. Лядов делается удивительно симпатичным, умным, интересным человеком.

Кроме того горячо рекомендую прочитать повесть Чингиза Айтматова «Белый пароход» (Новый мир. № 1. 1970). Меня потрясло это произведение.

Сегодня (17 Апреля) прошло уже 50 дней, как я лечусь у Г. А. Илизарова. Пробуду еще не менее месяца. Когда выйду из больницы, сразу поеду в Ленинград работать над музыкой к «Королю Лиру».

Ирина здесь же, со мной.
Я очень скучаю без своих детей, внуков, без своих друзей.
Крепко жму руку.
Сердечный привет Гале.

Ваш ДШостакович

29

25 XII 1970. Москва

Дорогой Боря!

Горячо поздравляем Вас и всю Вашу семью с Новым Годом.

Будьте всегда здоровы, счастливы.

Создавайте много прекрасных произведений.

Ваши И. и Д. Шостаковичи

С бесконечной грустью перечитываю следующее письмо:

30

Ленинградская область

Репино

Дом композиторов

Борису Ивановичу

Тищенко

Москва К-9. ул. Неждановой 8/10, корпус 3, кв. 23.

ДШостакович

26 I 1971. Жуковка

Дорогой Боря!

Завидую Вам, что Вы сейчас живете в Репино. Очень там хорошо. Я мечтаю о поездке в Репино, но сейчас мне назначены довольно серьезные медицинские процедуры и поэтому, в течение трех месяцев мне нельзя уезжать из Москвы. А потом наверное и вовсе нельзя будет куда либо ездить из-за все возрастающей моей беспомощности.

Берегите здоровье. А о моих жалобах никому не говорите.

Просьба у меня к Вам: перепишите Ваши песни на слова Цветаевой и подарите их мне. Пока они выйдут из печати, пройдет время. А я их очень полюбил и хочу их иметь у себя, чтобы иногда их играть.

Сыграли ли Вашу 3ю симфонию? Если да, то хорошо ли. Кто дирижировал?

Мне понравилось Ваше письмо. Понравилось, что Вы так горячо относитесь к своим делам. Так и надо.

Всей Вашей Троице от нас самый сердечный привет.

Ваш ДШостакович

Четыре письма — нарастающая щемящая нота.

31

9 II 1971. Москва

Дорогой Боря!

Спасибо Вам за Ваши Цветаевские песни.

Песни — Ваша огромная удача. Что касается до меня, то я их играю и пою целыми днями. Много думаю, кому бы их поручить исполнять. Для Вишневской, пожалуй немного низко. Транспонировать не стоит. Вобщем найду.

З. Долуханова тоже начала вдруг петь сопраном, хотя всю жизнь пела альтом.

Вчера в Доме композиторов был Ленинградский концерт. Я прослушал 1е отделение, т. е. 2ю Скрипичную Сонату Пригожина, Вокальные произведения Архимандритова и Октет Г. Уствольской.

Октет на меня произвел столь сильное впечатление, что я не смог себя заставить слушать 2е отделение, хотя там значились 4й квартет В. Баснера, который я хорошо знаю и очень люблю и романсы на слова Г. Лорки Салманова.

Октет меня вымотал и лишил сил на дальнейшее слушанье. Удивительно прекрасная и сильная музыка.

Еще раз спасибо Вам за песни.

Сердечный привет Гале.

Ваш ДШостакович

32

2 VI 1971. Москва.

Дорогой Боря!

Сегодня ночью мы улетаем в Курган, где пробудем две-три недели. Адрес такой: Курган 5. До востребования.

Сообщаю Вам адрес на всякий случай.

Всему Вашему семейству шлю самые лучшие пожелания.

Ваш ДШостакович

33

16 VI 1971. Курган.

Дорогой Боря!

Спасибо за письмо, которое меня очень обрадовало.

Скоро кончается мое пребывание в Кургане. Оно пошло мне на пользу.

26 Июня вылетаем в Москву, а с 1го Июля надеюсь быть в Репино. Очень хочу Вас видеть и слушать Ваши новые произведения.

Крепко жму руку

ДШостакович

Сердечный привет Гале.

34

Ленинград

Проспект Римского-Корсакова

д. 14, кв. 3

Борису Ивановичу

Тищенко

103009. Москва. ул. Неждановой 8/10, корпус 2, кв. 23.

ДШостакович

22 IX 1972. Жуковка.

Дорогой Боря!

Очень меня обрадовало Ваше письмо. Поздравляю Вас с новосельем и с новыми сочинениями, о которых мне много говорил В. Баснер. О сонате он говорил восторженно. О концерте для флейты, фортепиано и оркестра он говорил, что этот opus близится к завершению. Завидую Вам.

Вот уже год, как я не сочинил ни одной нотки.

Трудно найти этому объяснение. Может быть борьба за свое здоровье. Я уже год как не курю, не пью.

В «Черном монахе» Чехова магистр Коврин говорил, что заботы о его здоровье лишили его радости творчества, что если бы Магомет, Шекспир пили бы только молоко и ели рисовую кашку, то от них не осталось бы и следа.

«Черный монах» произвел на меня очень сильное впечатление. Вернее сказать производит сильное впечатление каждый раз, когда я его перечитываю. Очень прошу Вас: если Вы давно не читали этот рассказ, или вообще не читали, то обязательно прочтите.

В этом произведении упоминается серенада Брага. Лишь вчера мне удалось познакомиться с этим великолепным сочинением.

Очень мне хочется побывать у Вас, в Вашей новой квартире. Беспокоит меня то, что ремонт, переезд вызовет большие расходы.

Справятся ли Вы с ними?

Ирина шлет Вам и Гале привет. Я тоже.

Крепко жму руку
ДШостакович

P.S. Если у Вас будет время то я буду очень рад, если Вы переложите мою бю симфонию для двух роялей. Такого переложения нету.

Я рад, что Вы так высоко оценили «Повесть о Разуме» М. Зощенко.

Пишу Вам на новый адрес. Может быть Вы уже съехали из Репино. ДШ

В этом письме говорится о новоселье. Оно оказалось возможным лишь при вмешательстве Д. Д. По тогдашним правилам однокомнатная кооперативная квартира моей мамы после ее смерти не подлежала передаче по наследству. Дмитрий Дмитриевич по моей просьбе написал на своем бланке ходатайство, которое решило дело в мою пользу, и я после обмена переехал в самую большую в моей жизни квартиру, в которой Д. Д. впоследствии неоднократно бывал.

35

1 XI 1972. Барвиха.

Дорогой Боря!

Сегодня (1 ноября) слушал по радио Ваш Скрипичный концерт. Это началось в 17.00, по второй программе.

Концерт был великолепно исполнен Либерманом и оркестром под управлением Светланова.

Концерт произвел на меня огромное впечатление. Хотя и давно Вы его написали, я все же горячо Вас поздравляю с прекрасным opus'ом.

Я сейчас лечусь в санатории под Москвой. Возможно, если будут силы, 11го Ноября мы с Ириной отправимся в Репино.

Горячий привет и самые лучшие пожелания Вам и всей Вашей семье.

Ваш ДШостакович

36

13 II 1973 Москва

Дорогой Боря!

Спасибо Вам за хлопоты и за письмо. Очень меня обрадовало то, что Вы работаете над 4й симфонией. Очень меня интересует этот Ваш opus.

Когда закончите — дайте знать.

Может быть Вы приедете в Москву.

А может быть я приеду в Ленинград.

Сейчас я дома. В больнице провел около трех месяцев. У меня болели почки. Теперь я, видимо, здоров.

16го февраля едем в Берлин. Там 18го состоится спектакль моей оперы «Нос». А 24го премьера «Катерины Измайловой».

Мне кажется, что ехать мне, пожалуй, будет можно, т. к. я чувствую себя довольно прилично. Со мной поедет Ирина, которая будет мне помогать.

Передайте всей Вашей семье горячий привет и самые лучшие пожелания.

Ваш ДШостакович

Следующее письмо получено в ответ на мое длинное послание, где я признавался Учителю в чувствах огромной любви и безграничного восхищения.

37

21 II 1974. Жуковка.

Дорогой Боря!

Ваше письмо меня очень разволновало. В нем много хорошего. Но было бы гораздо лучше, если бы время, затраченное Вами на это письмо, Вы бы затратили на 5–10 страниц партитуры.

Вы много пишете обо мне. Когда я читаю «Палату № 6» Чехова, и когда в этой повести речь идет об Андрее Ефимовиче Рагине, то мне кажется, что я читаю мемуары обо мне. Особенно это относится к описанию приема больных, или когда он подписывает «заведомо подлый счет», или когда «мыслит»... И ко многому другому. Перечитайте «Палату № 6». Тогда «мой образ» для Вас станет ясным.

Рука моя пишет очень плохо, с большим трудом. Поэтому письмо на этом я заканчиваю.

Всей Вашей семье пишу сердечный привет и самые лучшие пожелания.

Было бы хорошо, если бы нам с Вами удалось бы встретиться и не торопясь выпить вина и «порассуждать».

Ваш ДШостакович

По какой-то причине я не сразу возразил на это письмо (эту паузу Дмитрий Дмитриевич впоследствии отметил). Не помню всех аргументов, которые я обрушил на него. Были тут и «Еврейские песни», со смелостью камикадзе написанные в эпоху «дела врачей», и его заступничество за гонимых, посаженных, оболганных — а таким его делам несть числа, — и его отзывчивая готовность помочь любому страждущему и нуждающемуся. Сколько спасенных им ходит по земле, сколько тысяч ему благодарно и сколько миллионов невидимых нитей любви протянуто к нему! Писал я, конечно, и о том, что все его великое творчество — грандиозный акт сострадания и помощи, что оно кричит обо всех ужасах на земле и что хотя бы поэтому он не имеет права упрекать себя ни в чем. И никто другой такого права по отношению к нему не имеет. Напомнил я ему историю с «динарием кесаря», как провокатор — сборщик налогов подошел к Христу и сказал: «Если ты царь Иудейский, то ты не станешь, конечно, платить подать кесарю». На что Христос, протянув динарий, ответил: «Кесарю — кесарево, а Богу — Богово». Спустя некоторое время, навестив Дмитрия Дмитриевича, я обнаружил у него в приемной комнате в уголке книжной полки открытку-репродукцию картины Тициана «Динарий кесаря».

38

377250

Армянская ССР

Дилижан

Дом композиторов

Борису Ивановичу

Тищенко

103009 Москва К-9. ул. Неждановой 8/10 корпус 2, кв. 23.

ДШостакович

18 VII 1974. Жуковка.

Дорогой Боря!

Спасибо за письмо. Очень хочу Вас видеть, чтобы побеседовать о том о сем.

Моя рука очень плохо себя чувствует. Пишу с большим трудом.

Хотел послать Вам мой 14 квартет, который вышел из печати, да побоялся, что он Вас не застанет в Дилижане. Все те музыканты, композиторы, дирижеры, критики, с которыми мне приходится встречаться, восторженно говорят о «Ярославне».

Широкая публика великолепно приняла оба московских спектакля.

Гале и Вам шлю самые лучшие пожелания. Ирина шлет привет.

Ваш ДШостакович

Примерно в это же время в Дилижан пришли две телеграммы.

39

Горячо поздравляем с великолепно прошедшей премьерой =

Ирина Дмитрий Шостаковичи

40

Второй спектакль прошел еще лучше первого горячо поздравляю =

Ирина Шостакович

Вот радостное письмо, связанное со вспышкой творчества:

190125

Ленинград Ф-125

Пр. Римского-Корсакова д. 14, кв. 3.

Борису Ивановичу Тищенко

103009 Москва К-9. ул. Неждановой 8/10 корпус 2, кв. 23.
ДШостакович

24 VIII 1974. Жуковка

Дорогой Боря!

Прежде всего горячо поздравляю Вас с окончанием 4й симфонии. С нетерпением жду возможности познакомиться с этим Вашим новым произведением.

Примите мою сердечную благодарность за переложение моей 6й симфонии.

Я довольно много сочинял в последнее время. Я сочинил сюиту для баса и фортепьяно (11 номеров) на слова Микельанджело. Если Вам попадется роскошно изданная книга «Микельанджело». Издательство «Искусство», Москва 1964, то я хотел бы, чтобы Вы познакомились с теми сонетами и стихами, которыми я воспользовался. В этой книге все стихи перенумерованы. Почитайте их. Ищите их так:

стр. 126, № 4.

стр. 127, № 8.

стр. 136, № 35

стр. 128, № 12

стр. 128, № 11

стр. 166, № 75

стр. 166, № 77

стр. 139 № 38

стр. 163 № 67 и 68 (соединены в одно)

стр. 178 № 100

стр. 155 № 16 и 12 (в таком порядке я их соединил в одно).

После этой сюиты я сочинил «Четыре стихотворения капитана Лебядкина».

Слова Достоевского.

№ 1 Любовь капитана Лебядкина

№ 2 Таракан.

№ 3 На балу в пользу гувернанток

№ 4. Светлая личность.

Все это из романа «Бесы». Капитан Лебядкин в большой степени шут гороховый, но, как мне кажется, фигура зловещая.

У меня сейчас нет при себе «Бесов», поэтому я не могу указать Вам те страницы, на которых находятся вышеупомянутые стихи. Но мне хотелось бы, чтобы Вы их прочитали. А вот и нашлись «Бесы». Смотрите стихи на страницах 126, 140, 281 (это я соединил в один номер). Затем см. стр. 188, 493 и 369. В таком порядке они должны исполняться.

Дорогой Боря! Шлю Вам, Гале, Всеволоду самые лучшие пожелания.

Ваш ДШостакович

И последнее письмо, которое я не могу читать без оцепенения:

42

27 VII 1975. Москва.

Дорогой Боря!

Спасибо за письмо, за добрые пожелания. В Репино я поехать сейчас не смогу. Я нахожусь в больнице, где пробуду, наверное, еще недели три-четыре. Из-за плохой работы правой руки с трудом написал сонату для альты и рояля. Давайте о себе знать по московскому адресу. Ирина почти каждый день заезжает домой.

Кланяйтесь Гале, Севе и примите наши самые лучшие пожелания.

ДШостакович

с живым, пользуюсь его советами, прислушиваюсь к его оценкам всего происходящего. И часто задаю себе детский вопрос: что было бы, если бы Его не было? Конечно, этого не могло быть: Бог знает, кого к нам посылать. Думаю проще: чем был бы я без Него? И еще думаю: доставил ли я ему хоть немного радости своим существованием, музыкой или хотя бы этой перепиской? Если да, то я жил не зря.

**Письма
Дмитрия Дмитриевича ШОСТАКОВИЧА
Борису ТИЩЕНКО**

с комментариями и воспоминаниями адресата

Оформление *Т. И. Кий*. Корректор *И. М. Плестакова*.

Макет и компьютерная верстка *Т. Ю. Фадеевой*.

Формат 60х90/16. Бум. офс. Гарн. Arial, Times. Печ. л. 3,25. Уч.-изд. л. 4,5.

Издательство «Композитор • Санкт-Петербург».

190000, Санкт-Петербург, Большая Морская ул., 45

Тел./факс: 7 (812) 314-50-54, 312-04-97.

e-mail: sales@compozitor.spb.ru   www.compozitor.spb.ru

Филиал издательства — нотный магазин «Северная лира»

191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 26

Тел./факс: 7 (812) 312-07-96 e-mail: severlira@mail.ru

Отпечатано в типографии издательства «Композитор • Санкт-Петербург»

Ирина Антоновна и Дмитрий Дмитриевич Шостаковичи,
Б. И. Тищенко, И. П. Богачева, И. Д. Гликман
в Ленинградском Малом театре оперы и балета

И. А., Д. Д. Шостаковичи и В. Е. Баснер
слушают Флейтовый концерт Б. Тищенко. За роялем автор

Д. Д. Шостакович и А. А. Давыдова. Варшава

*И еще думаю: доставил ли я ему
хоть немного радости
своим существованием,
музыкой или хотя бы
этой перепиской?
Если да, то я жил не зря.*

ISBN 978-5-7379-0387-3

9 "785737"903879" >